

ТЮРЕМНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

По сравнению с дореволюционным вновь возрожденный тюремный контроль до 1922 г. носил фрагментарный и децентрализованный характер: осуществлялся отдельными вновь созданными органами советской юстиции под контролем советов различных уровней. В этот период не существовало четкого представления о задачах, предмете, формах, а также системе органов, способных осуществлять контрольную деятельность в пенитенциарной сфере.

Ключевые слова: пенитенциарный надзор; уголовно-исполнительная система; тюремный контроль.

До революции прокурорский надзор фактически выступал средством, обеспечивавшим единую государственную политику в сфере реализации контрольной деятельности в местах заключения. В этой связи прокурор обладал широкими правовыми возможностями, включавшими в себя, помимо организационно-распорядительных полномочий, также процессуальные возможности, связанные с инициированием и участием в уголовно-процессуальной деятельности по разрешению вопросов исполнения приговора. Кроме того, на прокурора были возложены обязанности принимать обязательное участие в работе общественных и иных коллегиальных органов, осуществлявших контрольные и распорядительные полномочия в местах заключения. К началу XX в. предмет прокурорского надзора в сфере тюремного контроля включал в себя следующие направления: наблюдение за правильностью применения и исполнения предварительного заключения под стражу; наблюдение за правильностью исполнения лишения свободы (наблюдение за тюремным управлением и местами заключения) и обеспечение исполнения приговоров. В рамках этой деятельности прокурор контролировал дисциплинарную практику в отношении заключенных, осуществлял обеспечение их отдельных прав в ходе отбывания лишения свободы (на обращения, свидания и т.п.), обеспечивал исполнение приговоров и участие в судебном разрешении вопросов, связанных с их исполнением.

Двадцать четвертого ноября 1917 г. СНК принял Декрет о суде № 1, в соответствии с которым упразднялись ранее существовавшие институты юстиции и контроля, включая органы предварительного следствия, дознания, суда и прокуратуры. Согласно декрету общее наблюдение за местами заключения возлагалось на ВЦИК, СНК, НКЮ, рабоче-крестьянские инспекции и советы. Непосредственное – на вновь учрежденных комиссаров, следственные комиссии и судебные органы (народные суды и военно-революционные трибуналы).

Следственная комиссия при Военно-революционном комитете (далее по тексту – СК при ВРК) при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов (далее по тексту – Петроградский Совет) являлась одним из первых универсальных органов советской юстиции. В последующем аналогичные комиссии были созданы при районных советах Петрограда, Москвы и в других городах и регионах, контролируемых советской властью. В первые дни установления советской власти ВРК при Петроградском Совете поручил Выборгскому Совету рабочих и солдатских депутатов назначить в тюрьмы специальных комиссаров. Их основная задача заключалась в обеспечении революционной законности и классового подхода во всех местах заключения, подконтрольных советской власти [1. С. 79].

Двадцатого ноября 1917 г. в Известиях ЦИК и Петроградского Совета было опубликовано первое положение о следственных комиссиях при советах различного уровня. Пункт 7 указанного положения устанавливал, что каждый член следственной комиссии вправе проверять правильность содержания под стражей и освобождать из-под стражи неправильно арестованных. Кроме того, аналогичные полномочия были предоставлены военно-следственным комиссиям [2. С. 109], учрежденным при ВРК различных уровней. С момента своего учреждения эти органы играли значительную роль в контроле применения предварительного заключения под стражу: по предписанию ВЦИК и СНК арестованные независимо от того, кем был выполнен арест, доставлялись в соответствующие следственные комиссии при ВРК для производства расследования. Военно-революционный комитет предписывал коменданту Смольного в отношении предварительно заключенных, их перевода, порядка отбывания ареста, свиданий подчиняться распоряжениям указанных органов и ни в коем случае не изменять их [3. С. 506–507].

Пятнадцатого декабря 1917 г. НКЮ РСФСР принял постановление «О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность ареста». Согласно ст. 3 указанного акта при всех тюрьмах Петрограда были учреждены временные следственные комиссии. Статья 4 возлагала на них обязанность не позже 48 часов проверять правильность ареста и в зависимости от этого разрешать вопрос о направлении дел вновь доставленных по подсудности или об их освобождении. В свою очередь, ст. 5 гласила: «На эти же комиссии возлагается немедленная проверка законности содержания всех арестованных до сих пор лиц».

Это постановление явилось первым актом, определившим предмет тюремного контроля со стороны следственных комиссий – правовую оценку правильности и законности предварительного заключения под стражу. Правильным и законным считался арест (освобождение из-под ареста), если он был осуществлен на основании решения следственной комиссии из трех лиц. В случаях, не терпящих отлагательства, решение об аресте могло быть принято единолично каждым членом комиссии, но с последующим обязательным утверждением следственной комиссии. Для подтверждения правильности и законности ареста следственные комиссии при приемке арестованных должны были требовать предоставления копий ордеров или протоколов, на основании которых были произведены аресты.

Кроме особых комиссаров и следственных комиссий отдельные функции по наблюдению за законностью предварительного заключения были возложены

на первые советские судебные органы – народные суды и революционные трибуналы. В этой связи в наказе народным судам Петроградского Совета устанавливалось, что каждый член суда обязан посещать не менее одного раза в неделю места заключения с целью проверки правильности содержания арестованных. При каждом случае выявления неправильного содержания член суда обязан был немедленно сообщить составу суда, и последний принимал меры к облегчению участи арестованного вплоть до освобождения. Подобные решения оформлялись актами и соответствующими постановлениями, передаваемыми в Совет народных судей [4. С. 78–79].

Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде» и Декретом ВЦИК от 12 апреля 1919 г. «О революционном трибунале» судебным органам были предоставлены полномочия по наблюдению за законностью и правильностью поводов содержания лиц под стражей в местах заключения соответствующих районов. В случае обнаружения незаконного задержания судьи и члены революционных трибуналов через распорядительное заседание вправе были освобождать таких лиц.

Помимо оценки законности и правильности предварительного заключения под стражу к предмету судебного контроля относилось и разрешение отдельных вопросов, возникающих при исполнении приговоров. Прежде всего, судебная компетенция охватывала разрешение вопросов досрочного освобождения от отбывания наказания. В этой связи ст. 32 Декрета о суде № 2 от 7 марта 1918 г. предоставляла всем лицам, осужденным по приговорам народного суда, право просить местный народный суд по месту жительства просителя об условном и досрочном освобождении, а также о помиловании и восстановлении в правах. «Если местный суд, – закреплялось в Декрете, – придет к заключению, что ходатайство это не лишено серьезных оснований, он передает дело по первоначальной подсудности». Аналогичные полномочия были предоставлены судебными органами Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде», Декретом ВЦИК от 12 апреля 1919 г. «О революционном трибунале» и Положением о полковых судах от 10 июля 1919 г. Любопытной особенностью первоначального этапа становления судебного контроля в сфере тюремного заключения являлось осуществление судьями контрольно-распорядительных полномочий в инициативной форме.

С ликвидацией следственных комиссий и института особых комиссаров функции наблюдения за предварительным заключением были окончательно сосредоточены в Наркомате юстиции и его территориальных органах. 6 января 1918 г. в структуре комиссариата была образована тюремная коллегия (позже переименованная в Главное управление местами заключения (далее по тексту – ГУМЗ)), которой было поручено осуществление обязанностей по непосредственному управлению местами заключения. Двадцать третьего июля 1918 г. была принята Временная инструкция о лишении свободы как меры отбывания наказания и о порядке отбывания такового, возложившая общее управление всеми местами заключения на Карательный отдел (с сентября 1921 г. – Центральный карательный отдел) в структуре

Наркомата юстиции. Хотя формально вновь созданная структура и осуществляла «главное заведование делом применения уголовных наказаний», на местах непосредственный тюремный контроль реализовывался представителями судебных органов под контролем и при прямом участии местных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [5. С. 23–25].

Временная инструкция о лишении свободы возродила отдельные формы общественного контроля отбывания наказаний. При карательных отделах были сформированы распределительные комиссии, состоявшие из представителей губернского суда, администраций мест лишения свободы, а также из лиц «избираемых губернским исполнительным комитетом из числа сведущих и интересующихся пенитенциарными вопросами» [6. С. 18]. Указанные лица были первыми представителями советской общественности в распределительных комиссиях. На распределительные комиссии возлагались предварительное рассмотрение вопроса о досрочном освобождении, смягчении наказания, а также «наблюдение за порядком содержания и режимом заключенных и рассмотрение поступающих заявлений и жалоб».

В условиях интервенции и Гражданской войны произошло усиление классовой борьбы. Конкретно-юридической формой выражения классового подхода явилось постановление ВЦИК от 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ», согласно которому предусматривалось создание двух видов лагерей – обычных и особых.

В первых содержались классово близкие, осужденные за нарушение уголовного законодательства. Основная задача уголовно-исполнительного воздействия заключалась в их быстром исправлении и перевоспитании. На указанных осужденных распространялись все существующие на тот момент гарантии и льготы, включая возможность применения УДО и замены наказания. Отбывание наказания указанными осужденными контролировалось судебными органами, представителями местной юстиции и распределительными комиссиями. В связи с принятием 15 ноября 1920 г. «Положения об общих местах заключения» к этим осужденным была применена прогрессивная система отбывания наказания. Непосредственное руководство указанными лагерями осуществлял комендант лагеря, избираемый местным исполнительным комитетом и утверждаемый Центральным отделом принудительных работ НКВД (с 1921 г. – Главное управление лагерей принудительных работ) [7. С. 335–336].

В особые лагеря интернировали по постановлению ВЧК представителей ранее господствующих классов, способных при определенных условиях оказать вооруженное сопротивление советской власти. Поскольку формально водворенных в указанные лагеря считали не подвергнутыми уголовному наказанию, а временно изолированными от общества в интересах революции, на них не распространялись никакие уголовно-исполнительные правила и льготы, а также формы контроля содержания в указанных лагерях. В случае нарушения условий отбывания изоляции содержащиеся в особых лагерях подлежали уничтожению. Общее управление указанными лагерями осуществляла колле-

гия ВЧК, непосредственное – комендатуры при губернских ЧК. Создание особых лагерей заложило основы для последующего параллелизма в уголовно-исполнительной политике, наиболее ярко проявившегося в 30-х гг. XX в. в связи с созданием альтернативной системы исправительно-трудовых лагерей ОГПУ.

Таким образом, для первоначального этапа становления советского тюремного контроля характерными особенностями явились: множественность структур, осуществлявших отдельные контрольно-распорядительные функции в отношении мест заключения; объединение в компетенции этих органов, помимо контрольных, также функций предварительного расследования, осуществления правосудия и исполнения наказания; общая подконтрольность вновь возникших органов советам различных уровней. Кроме того, с учетом фактического упразднения прежней системы отбывания наказания основное внимание контролирующих структур было сосредоточено на обеспечении правильности, прежде всего, предварительного заключения. При этом вопрос о правомерности задержания или ареста разрешался с безусловным учетом новых правовых приоритетов и нередко заменялся классовым подходом и принципом целесообразности обеспечения политических целей.

При этом особенности непосредственного наблюдения за местами заключения в первые годы советской власти заключались в частичной правопреемственности (возрождение институтов судебного и общественного наблюдения), отсутствии единого юридического опыта, широком применении местного нормотворчества при отсутствии единой нормативно-правовой базы и последовательной реализации классового подхода. По сравнению с до-революционным вновь созданный тюремный контроль носил фрагментарный и децентрализованный характер: осуществлялся в узких формах отдельными вновь созданными органами советской юстиции (в основном в виде наблюдения народных судей и представителей революционных трибуналов за правильностью и законностью предварительного заключения под жестким контролем местных советов). Реализация отдельных контрольных полномочий в местах заключения представляла собой непрофильную работу указанных органов и обуславливалась дополнительными обязанностями, возложенными на них советами различных уровней. Не существовало четкого представления о задачах, предмете, формах, а также системе органов, способных осуществлять контрольную деятельность в этой сфере. Такое положение объяснялось сложной политической и экономической обстановкой, вызванной Гражданской войной и интервенцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожневиков М.В.* Органы, выполнявшие функции советской прокуратуры до ее учреждения (1917–1922) // Ученые записки юридического факультета МГУ. 1949. № 3. С. 79–82.
2. *Игошин В.С., Степанов В.И.* История становления и развития органов предварительного следствия в России. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 487 с.
3. *Петроградский* военно-революционный комитет. М.: Госюриздат, 1967. Т. 3. 612 с.
4. *Материалы НКЮ.* Вып. 2. 1918. С. 78–79.
5. *Спиридонов Б.М.* Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 204 с.
6. *Улицкий С.Я.* Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений: история и современность. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2002. 132 с.
7. *Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: Учеб.* / Под ред. И.Л. Трунова. М.: Эксмо, 2005. 468 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 апреля 2011 г.